

На правах рукописи

Хазиев Руслан Маратович

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ЛИЧНОСТИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Специальность 12.00.09 – уголовный процесс

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Санкт-Петербург
2016

Работа выполнена в Федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Мухаметшин Фаим Баязитович

Официальные оппоненты:

Кондрат Иван Николаевич

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики факультета М.П. МГИМО (у) МИД России

Колосович Марина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Ведущая организация:

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится 25 ноября 2016 года в 15 ч.00 мин. на заседании диссертационного совета Д 203.012.02 при Федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» по адресу: 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, дом 1, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, дом 1, www.univer.mvd.ru).

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 203.012.02
кандидат юридических наук, доцент

Э.В. Лантух

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одной из составляющих назначения современного уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК Российской Федерации).

Основные права и свободы человека и гражданина предусмотрены главой 2 Конституции Российской Федерации. Соблюдение и защита важнейших этих прав, имеющих непосредственное отношение к уголовному процессу, как правило, закреплены в качестве самостоятельных принципов уголовного судопроизводства (статьи 9-13 УПК Российской Федерации). Однако, в УПК Российской Федерации отсутствует нормативно концентрированное выражение принципа неприкосновенности частной жизни, а само понятие «частная жизнь» в УПК Российской Федерации упоминается всего два раза (ч. 3 ст. 161, ч. 7 ст. 182), но в действительности, неприкосновенность частной жизни гарантируется гораздо большим количеством положений УПК Российской Федерации.

С правом на неприкосновенность частной жизни тесно связано право на неприкосновенность личности. Одинаковая правовая природа этих прав как прирожденных и неотъемлемых (естественных) прав человека в уголовном процессе свидетельствует о комплексном их характере и требует их комплексного изучения в рамках одного и того же исследования.

Право на неприкосновенность частной жизни и личности, как и любые иные права человека, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации может быть ограничено федеральным законом, каковым является в данном случае является УПК Российской Федерации. В этой связи чрезвычайно важно, чтобы предусмотренные УПК Российской Федерации ограничения прав человека, в том числе ограничения права на неприкосновенность частной жизни и личности, были бы допустимы с точки зрения Конституции Российской Федерации, и чтобы в УПК Российской Федерации были предусмотрены пределы допустимости ограничения прав человека. Между тем, уголовно-процессуальные нормы, предусматривающие допустимость и пределы ограничения прав человека во многом сформулированы нечетко, противоречиво, без учета современных реалий правоприменительной практики.

Особенно важно соблюдать правила допустимости и пределов ограничения прав человека и в первую очередь права на неприкосновенность частной жизни и неприкосновенности личности в досудебном производстве, в ходе расследования уголовного дела в условиях ограниченности гласности, состязательности, доступа к необходимой для защиты прав информации и т.д.

Указанные обстоятельства обусловили актуальность темы и ее выбор для диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Право на неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе в целом исследовалось в кандидатской диссертации Д.К. Стригалева (Санкт-Петербург, 2002). Отдельные компоненты права на неприкосновенность частной жизни

исследовались в работах А.А. Бакирова, А.В. Бурылова, С.Н. Наумова, К.И. Попова, А.Д. Фатиковой, Х.П. Шептуновой и др.

Достаточно интенсивно исследуется право на неприкосновенность личности в уголовном процессе. Проблемам ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе посвящена кандидатская диссертация Е.Г. Ваисильевой (Уфа, 2002). Значительная часть работ посвящена уголовно-процессуальному принуждению, ограничивающему право на неприкосновенность личности (О.В. Баландюк, Е.С. Березина, В.Н. Благодарная, Т.В. Валькова, Ю.Ю. Ксендзов, Э.К. Кутуев, И.А. Ретюнских, О.И. Цоколова и др.)

Право на неприкосновенность частной жизни и неприкосновенность личности в качестве права человека, имеющего комплексный характер, в уголовном процессе в ходе расследования уголовного дела исследуется впервые.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с ограничением права на неприкосновенность частной жизни и личности в ходе расследования уголовного дела.

Предметом исследования являются положения науки уголовного процесса о допустимости и пределах ограничения прав человека в уголовном процессе, уголовно-процессуальные нормы, регулирующие порядок избрания и применения мер пресечения, иных мер уголовно-процессуального принуждения, принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий, ограничивающих право на неприкосновенность частной жизни и личности в ходе расследования уголовного дела.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является обоснование теоретических основ допустимости и пределов ограничения права на неприкосновенность частной жизни и личности и разработка рекомендаций по совершенствованию практики их реализации.

Достижение цели исследования предполагает постановку следующих основных задач:

- исследование права на неприкосновенность частной жизни и выявление особенностей его реализации в уголовном процессе;
- выделение и анализ отдельных компонентов права на неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе;
- исследование права на неприкосновенность личности и выявление особенностей его реализации в уголовном процессе;
- выделение и анализ отдельных компонентов права на неприкосновенность личности в уголовном процессе;
- общая характеристика права на физическую, психическую и нравственную неприкосновенность личности в уголовном процессе;
- обоснование комплексного характера права на неприкосновенность частной жизни и личности в уголовном процессе.

- исследование допустимости и пределов ограничения права на неприкосновенность частной жизни, на физическую и психическую неприкосновенность личности в ходе расследования уголовного дела.

Методология и методика исследования. Методологическую основу составили общенаучные и специальные методы познания: комплексного анализа, системно-структурный, логико-правовой, исторический, сравнительно-правовой, статистический и другие методы научного исследования.

Нормативную базу исследования составляют: международно-правовые акты (Всеобщая декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах), Конституция Российской Федерации, УПК Российской Федерации и федеральные законы об изменениях в УПК Российской Федерации, иные отраслевые кодексы и федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, иные подзаконные, в том числе ведомственные нормативно-правовые акты МВД России, Минобороны России, Главной военной прокуратуры.

Теоретическую основу исследования составили труды известных ученых в области уголовного процесса и других юридических наук: А.С. Александрова, И.А. Антонова, М.В. Баглая, О.Я. Баева, А.С. Барабаша, Б.Т. Безлепкина, Б.Б. Булатова, В.В. Вандышева, Э.П. Григониса, С.А. Денисова, Ю.Д. Лившица, К.Б. Калиновского, В.В. Кальницкого, З.Ф. Ковриге, О.Е. Кутафина, Э.К. Кутуева, Е.В. Мищенко, Н.И. Матузова, Ф.Б. Мухаметшина, И.Л. Петрухина, А.П. Рыжакова, Л.В. Сердюка, А.В. Смирнова, А.В. Стремухова, В.Т. Томина, В.И. Тюнина, О.И. Цоколовой, А.А. Чувилева, С.М. Шахрая и др.

Эмпирическую базу исследования составили: постановления Европейского Суда по правам человека, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, кассационные определения Московского городского суда, а также результаты анонимного опроса 111 следователей органов внутренних дел, 103 дознавателей органов внутренних дел в Республике Башкортостан, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в ней на основе теоретических положений о правах человека выявлен и обоснован комплексный характер права на неприкосновенность частной жизни и права на неприкосновенность личности в уголовном процессе, разработаны критерии допустимости и пределов ограничения прав человека в уголовном процессе.

В диссертации предложены классификации уголовно-процессуального принуждения, связанного с изоляцией от общества, и мер пресечения по критерию их строгости.

Автором предложен ряд новых редакции статей УПК Российской Федерации. Существующую меру пресечения в виде наблюдения командования воинской части предложено преобразовать в надзор военной полиции.

Положения, выносимые на защиту. В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие основные положения:

1. Право на неприкосновенность частной жизни и право на неприкосновенность личности (физическую, психическую и нравственную) относятся к природным и неотъемлемым правам человека, по своей природе взаимосвязаны и неотрывны друг от друга, что должно учитываться законодателем при конструировании соответствующих уголовно-процессуальных норм. Право на неприкосновенность частной жизни и личности в ходе расследования уголовного дела может быть ограничено, но при этом не должны быть превышены пределы допустимости такого ограничения.

2. Допустимость ограничения прав человека в уголовном процессе в основном заключается в общем правиле, выраженном в ч. 1 соответствующей статьи УПК Российской Федерации. Превышение пределов допустимости ограничения соответствующего права человека заключается в несоблюдении правил, установленных в последующих частях основной статьи, ограничивающей это право, либо в иных взаимосвязанных с основной статьях УПК Российской Федерации. При задержании подозреваемого допустимость ограничения прав человека выражена в обеих частях ст. 91 УПК Российской Федерации, являющейся основной статьей, устанавливающей общее правило, а превышение пределов допустимости выражается в несоблюдении правил, установленных в остальных статьях главы 12 УПК Российской Федерации «Задержание подозреваемого». Превышение пределов допустимости ограничения соответствующего права человека влечет за собой признание принятых процессуальных решений и произведенных процессуальных действий незаконными, и признание полученных при этом доказательств недопустимыми.

3. Понятие «жилище» в УПК следует расширить, дополнив пункт 10 ст. 5 УПК Российской Федерации, предложением следующего содержания: *«По обстоятельствам конкретного уголовного дела к жилищу может быть приравнено иное помещение, в том числе служебное, либо транспортное средство, в котором могут храниться предметы, документы и иные материальные носители информации, содержащие сведения о частной жизни лица».*

4. В целях распространения принципа неприкосновенности жилища на производство в нем любых следственных действий ст. 12 УПК Российской Федерации следует изложить в новой редакции:

«1. Осмотр жилища и иные следственные действия в жилище производятся только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения.

2. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения.

3. Осмотр жилища, обыск и выемка могут быть произведены без судебного решения в случаях, предусмотренных частью 5 статьи 165 настоящего кодекса».

В целях распространения принципа неприкосновенности жилища на производство в нем любых следственных действий ст. 12 УПК Российской Федерации следует изложить в новой редакции:

«1. Осмотр жилища *и иные следственные действия в жилище* производятся только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения.

2. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения.

3. Осмотр жилища, обыск и выемка могут быть произведены без судебного решения в случаях, предусмотренных частью 5 статьи 165 настоящего кодекса».

5. Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с изоляцией от общества, по своему характеру или строгости следует рассматривать в следующем порядке (от менее строгого к более строгому):

- домашний арест с частичной изоляцией от общества;
- домашний арест с полной изоляцией от общества;
- помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях;
- содержание под стражей, включая содержание задержанных по подозрению в совершении преступления в изоляторах временного содержания и содержание подозреваемых или обвиняемых, которым избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственных изоляторах.

6. В целях распространения принципа неприкосновенности личности на случаи применения домашнего ареста и помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях ч. 1 ст. 10 УПК Российской Федерации следует изложить таким образом: «Никто не может быть заключен под стражу и содержаться под стражей *или иным образом изолирован* от общества без судебного решения и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию по подозрению в совершении преступления на срок более 48 часов»

7. В целях распространения исчисления срока задержания на случаи захвата подозреваемого обычными гражданами предлагаем:

- п. 11 ст. 5 УПК Российской Федерации дополнить словами: «*либо с физического захвата лица, совершившего преступление, завершившегося доставлением его органам власти*».

- п. 15 ст. 5 УПК Российской Федерации дополнить словами: «*либо момент физического захвата лица, совершившего преступление, завершившегося доставлением его органам власти*».

8. Обязанности надзора за поведением подозреваемого или обвиняемого военнослужащего целесообразно возложить на военную полицию Вооруженных Сил Российской Федерации, а саму меру пресечения, предусмотренную ст. 104 УПК Российской Федерации, переименовать в надзор военной полиции. В Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в таком случае будет необходимо включить положения о содержании и порядке исполнения данной меры пресечения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты вносят определенный вклад в разделы науки уголовного процесса, изучающие принципы уголовного судопроизводства, меры процессуального принуждения, следственные действия. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в правотворческой и правоприменительной деятельности в области уголовного судопроизводства, в процессе преподавания учебной дисциплины «Уголовный процесс».

Степень достоверности, апробация и внедрение в практику результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, где проведены ее обсуждение и рецензирование. Основные положения диссертации нашли отражение в международных, всероссийских вузовских научно – практических конференциях: «Актуальные проблемы права и государства в XXI веке» (Уфа, 2014,2015), «Научная дискуссия. Вопросы юриспруденции» (Москва, 2016), в опубликованных автором статьях, в том числе входящих в ВАК.

Основные теоретические положения, выносимые на защиту, выводы и предложения внедрены и используются в практической деятельности следственных подразделений и подразделений дознания МВД России по Республике Башкортостан, учебном процессе Уфимского юридического института МВД России при чтении дисциплины «Уголовный процесс».

Достоверность исследования подтверждается собственными эмпирическими результатами, которые опубликованы в 7 научных статьях общим объемом 4,38 п.л., опубликованных в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации. В результате проверки диссертационного исследования в системе «Антиплагиат ВУЗ» итоговая оценка оригинальности составила 82,65%.

Структура диссертации обусловлена его объектом и предметом, целью и задачами и состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и научная новизна темы диссертационного исследования, устанавливается степень ее научной разработанности. На основании названных характеристик определяются объект, предмет, цель, задачи, методология и методика проводимых исследований. Устанавливаются нормативная, теоретическая и эмпирическая базы исследования. Формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывающие теоретическую и практическую значимость исследования. Приводятся сведения относительно апробации полученных результатов исследования. Описывается структура диссертации.

Глава 1 «Право на неприкосновенность частной жизни и право на неприкосновенность личности в уголовном процессе» включает в себя три параграфа.

В *параграфе 1.1* диссертации исследовано право на неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе.

В УПК Российской Федерации понятие частной жизни используется всего два раза (ч. 3 ст. 161, ч. 7 ст. 182). В действительности, неприкосновенность частной жизни гарантируется гораздо большим количеством положений УПК Российской Федерации (статьи 12, 13, 176, 182-185, 186, 186.1 и др.).

Понятие частной жизни, в том числе в сфере уголовного процесса, не всегда понятно для должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Так, среди опрошенных нами следователей и дознавателей органов внутренних дел только 17,1% следователей и 9,2% дознавателей смогли своими словами назвать все компоненты частной жизни. 87,4% следователей и 91,3% дознавателей уверенно, но своими словами сформулировали принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и только 2,4% следователей смогли сформулировать данный принцип в том виде как он сформулирован в УПК Российской Федерации. Среди дознавателей органов внутренних дел таковых не нашлось.

В ст. 12 УПК Российской Федерации закреплён принцип неприкосновенности жилища, который необходимо рассматривать в качестве одного из необходимых компонентов неприкосновенности жилища. В ходе исследования автором выявлено, что понятие жилища, сформулированное в п. 10 ст. 5 УПК Российской Федерации является чрезмерно узким и предложено дополнить его предложением следующего содержания: *«По обстоятельствам конкретного уголовного дела к жилищу может быть приравнено иное помещение, в том числе служебное, либо транспортное средство, в котором могут храниться предметы, документы и иные материальные носители информации, содержащие сведения о частной жизни лица»*.

В ст. 12 УПК Российской Федерации указано только на три следственных действия, производимых в жилище: осмотр, обыск, выемку. На самом деле в жилище могут производиться и иные следственные действия (допрос,

очная ставка, предъявление для опознания, освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний на месте), которые, исходя из конституционного принципа неприкосновенности жилища, должны производиться с согласия проживающих в жилище лиц или по судебному решению. При этом обыск и выемка в жилище всегда производятся по судебному решению вне зависимости от согласия проживающих в нем лиц. В этой связи автором предложено ст. 12 УПК Российской Федерации изложить в новой, уточненной редакции (см. 3-е положение, выносимое на защиту).

Рассматривая принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, закрепленный в ст. 13 УПК Российской Федерации, автор обратил внимание на не нашедшую отражения в данной статье тайну коммуникаций, ограничение которой может иметь место, например, при использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля при осуществлении контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений, что предусмотрено ч. 10 ст. 107 УПК Российской Федерации. Указанное ограничение обусловлено исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста, избрание и применение которой возможно только по судебному решению.

Тайна корреспонденции и коммуникаций в уголовном процессе не ограничивается только наложением ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемкой в учреждениях связи (ст. 185 УПК Российской Федерации), контролем и записью телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК Российской Федерации), получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК Российской Федерации), указанными в ч. 2 ст. 13 УПК Российской Федерации.

Еще одним компонентом права на неприкосновенность частной жизни является запрет собирания, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия в качестве отдельного принципа в УПК Российской Федерации не закреплен, но он должен действовать в уголовном процессе исходя из прямого требования Конституции Российской Федерации о том, что сбор, хранение, использование и распространение о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч. 1 ст. 24).

По мнению автора, распространение информации о частной жизни лица без его согласия в уголовном процессе может иметь место только среди сотрудников правоохранительных органов или иных лиц, участвующих в раскрытии и расследовании преступлений (сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющих контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений, судебных экспертов и специалистов, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов и т.д.). Недопустимо распространение такой информации и среди участников уголовного судопроизводства по данному уголовному де-

лу, не участвующими в раскрытии и расследовании преступлений (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, понятых и др.). Учитывая вышеизложенное, целесообразно в главу 2 УПК Российской Федерации ввести новую ст. 13.1 *«Недопустимость распространения информации о частной жизни лица»* следующего содержания: *«В ходе уголовного судопроизводства не допускается распространение информации о частной жизни лица без его согласия среди лиц, не участвующих в раскрытии и расследовании преступлений»*.

В параграфе 1.2 рассмотрено право на неприкосновенность личности в уголовном процессе.

В начале параграфа отмечено, что в отличие от неприкосновенности частной жизни, неприкосновенность личности прямо закреплена в главе 2 УПК Российской Федерации в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства. Данный принцип в том виде как он закреплён в ст. 10 УПК Российской Федерации точнее было бы называть принципом физической неприкосновенности личности. Физическая неприкосновенность личности в уголовном процессе может быть ограничена путем применения мер процессуального принуждения, и производства следственных действий.

К мерам процессуального принуждения, ограничивающим физическую неприкосновенность личности, относятся: задержание подозреваемого (глава 12 УПК Российской Федерации), меры пресечения в виде подписки о невыезде (ст. 102 УПК Российской Федерации), домашнего ареста (ст. 107 УПК Российской Федерации), заключение под стражу (статьи 108, 109 УПК Российской Федерации); привод как иная мера процессуального принуждения (ст. 113 УПК Российской Федерации). Следственные действия, которыми могут ограничиваться физическая неприкосновенность человека – это в первую очередь производство судебной экспертизы (глава 27 УПК Российской Федерации), а также некоторые другие процессуальные действия. Иными словами, все указанные меры и действия относятся к уголовно-процессуальному принуждению в широком смысле, включающим в себя не только законодательно выделенные меры процессуального принуждения (главы 12, 13, 14 раздела IV УПК Российской Федерации), но и уголовно-процессуальные институты, которые обладают принудительным характером, но по разным причинам, и порой вполне оправданным с точки зрения законодательной техники, не включенным в состав мер процессуального принуждения, предусмотренных разделом IV УПК Российской Федерации (помещение в психиатрический стационар, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования).

Помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар в порядке ст. 203 УПК Российской Федерации, а равно помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар в порядке ст. 435 УПК Российской Федерации, относится к уголовно-процессуальному принуждению, связанному с изоляцией от общества, но степень изоляции такого лица является меньшей, чем при содержании под стражей.

Рассмотрев характер ограничения права на физическую неприкосновенность личности при домашнем аресте, автор пришел к выводу о том, что полная изоляция от общества при домашнем аресте, несравнима по характеру ограничения свободы при содержании под стражей. Задержанные по подозрению в совершении преступления, подозреваемые и обвиняемые, которым избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, содержатся в специально для этих целей созданных учреждениях - изоляторах временного содержания и следственных изоляторах. Подозреваемый или обвиняемый, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, как указано в ч. 1 ст. 107 УПК Российской Федерации, находится в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Более «комфортным» по характеру ограничения личной физической свободы домашний арест является по сравнению с помещением подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар.

В результате исследования уголовно-процессуального принуждения, связанного с изоляцией от общества, в диссертации разработана его классификация по критерию строгости - от менее строгого к более строгому (см. 5-е положение, выносимое на защиту).

Применение любого уголовно-процессуального принуждения, связанного с изоляцией от общества, в полном соответствии с положениями ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации в уголовно-процессуальном законодательстве требует судебного решения. Однако в ч. 1 ст. 10 УПК Российской Федерации помещение в психиатрический стационар и домашний арест не упоминаются. Из соображений юридической техники, возможно, прямо указывать на них и не надо, но об изоляции от общества упомянуть в ней следует. Учитывая все вышеизложенное, автором предложено внести изменений в ч. 1 ст. 10 УПК Российской Федерации и изложить ее следующим образом: *«Никто не может быть заключено под стражу и содержаться под стражей или иным образом изолирован от общества без судебного решения и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию по подозрению в совершении преступления на срок более 48 часов».*

Рассмотрев характер физического принуждения при применении меры пресечения в виде подписки о невыезде, автор пришел к выводу о том, что она, несмотря на ее кажущуюся «мягкость», совсем таковой не является. Особенно серьезно она ограничивает права подозреваемых и обвиняемых, характер работы или деятельности которых предполагает постоянные разъезды по региону, стране или за ее пределы. Подписка о невыезде, во всяком случае, является более строгой, чем такие меры пресечения как личное поручительство, наблюдение командования воинской части и присмотр за несо-

вершеннолетним обвиняемым, которые в ст. 98 УПК Российской Федерации указаны после подписки о невыезде.

Статья 98 УПК Российской Федерации с учетом авторских предложений могла бы выглядеть следующим образом:

«Статья 98. Меры пресечения

1. Мерами пресечения являются:

1) личное поручительство;

2) подписка о невыезде;

3) залог;

4) домашний арест;

5) заключение под стражу.

2. Взамен личного поручительства в качестве меры пресечения может быть избрано:

1) наблюдение командования воинской части;

2) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым».

В завершение параграфа автор пришел к выводу о том, что требуется законодательное регулирование возможности и характера принуждения при освидетельствовании и получении образцов для сравнительного исследования, а в последнем случае – еще и согласование положений УПК Российской Федерации и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Некоторые шаги в этом отношении уже предприняты, но не в уголовно-процессуальном, а в уголовном законодательстве. Так, в ст. 308 УК Российской Федерации «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ были внесены дополнения, согласно которым введена уголовная ответственность за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. Полагаем, что введение уголовной ответственности в данном случае является чрезмерным шагом. Вполне достаточно было бы предусмотреть в УПК Российской Федерации денежное взыскание за такое деяние.

В *параграфе 3.1* рассмотрено право на психическую и нравственную неприкосновенность личности и обоснован комплексный характер права на неприкосновенность частной жизни и права на неприкосновенность личности.

Психическую неприкосновенность личности в уголовном процессе следует рассматривать во взаимосвязи с понятием психического насилия (угрозы) в уголовном праве. Это выражается в том, что:

- все психологически-принудительные меры пресечения обеспечиваются угрозой применения более строгой меры пресечения в случае процессуальных нарушений со стороны обвиняемого или подозреваемого, что предусмотрено ст. 110 УПК Российской Федерации (А.В. Смирнов и К.Б. Калинин);

- принуждение в уголовном процессе охватывает все виды воздействия на субъекта процесса, в результате которого он вынужден выполнять процессуальную обязанность вопреки своей воле, включая психическое воздействие на субъекта угрозой возможного применения санкций не только процессуальных, но и уголовно-правовых, дисциплинарных, гражданско-правовых и общественных (И.Л. Петрухин);

- угроза заключения под стражу оказывает на подозреваемого определенное и достаточно сильное психическое воздействие. Поэтому подписка о невыезде – это все же принудительная мера, но принуждение носит не физический (как при заключении под стражу и при домашнем аресте), а психический характер (Э.К. Кутуев).

Право на нравственную неприкосновенность личности означает право человека на защиту любыми законными способами, в том числе государственную защиту, своей чести и достоинства. Принцип уважения чести и достоинства, закрепленный в ст. 9 УПК Российской Федерации, должен распространяться на любого человека, а не только на тех людей, которые являются личностью с точки зрения других наук, например, в философии, социологии, психологии.

Понятие личности, близкое к философскому, социологическому, психологическому ее пониманию и вытекающее отсюда отношение к защите чести и достоинства любого человека в уголовном процессе нередко встречается среди должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Так, среди опрошенных нами следователей и дознавателей органов внутренних дел 13,4% следователей и 27,1% дознавателей считают, что в отношении подозреваемых и обвиняемых принцип защиты чести и достоинства действовать не должен. Еще большее количество опрошенных – 33,9% и 56,5% дознавателей затруднились ответить на вопрос: должны ли в уголовном процессе защищаться честь и достоинство подозреваемого и обвиняемого?

Право на нравственную неприкосновенность личности или право на защиту чести и достоинства личности в уголовном процессе в концентрированном виде выражается в уголовно-процессуальном принципе уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК Российской Федерации). Уголовно-процессуальный принцип уважения чести и достоинства личности конкретизируется в п. 4 ч. 1 ст. 24, статьях главы 18, ч. 3 ст. 164, ст. 178, ч. 4 ст. 179, ч. 3 ст. 184, ч. 2 ст. 202, п. 3 ч. 1 ст. 241, п. 1 ст. 254 УК Российской Федерации.

Автор пришел к выводу об очевидности тесной взаимосвязи между правом на частную жизнь и правом на личную физическую, психическую и нравственную неприкосновенность. Объединяет эти субъективные права и их общая принадлежность к одной и той же группе прав человека - к прирожденным и неотчуждаемым или, иными словами, естественным правам человека, что свидетельствует о комплексном характере указанных прав в уголовном процессе.

Глава 2 «Допустимость и пределы ограничения прав на неприкосновенность частной жизни, физическую, психическую и нравственную неприкосновенность личности в ходе расследования уголовного дела» состоит из трех параграфов.

В *параграфе 2.1* рассмотрены допустимость и пределы ограничения права на неприкосновенность частной жизни в ходе расследования уголовного дела.

Допустимость ограничения прав человека во всех сферах правового регулирования, в том числе и в уголовном процессе, обусловлена двумя обстоятельствами: наличием федерального закона, и предусмотренными ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации основаниями - защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Законодатель при принятии соответствующего федерального закона должен учитывать указанные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации основания. Наличие федерального закона – формальный признак такой допустимости, а необходимость защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства – ее материальный признак. Федеральный закон, ограничивающий права человека без учета указанного материального признака допустимости ограничения прав человека, противоречит Конституции Российской Федерации, но, тем не менее, может и должен исполняться, пока он не будет признан неконституционным соответствующим решением Конституционного Суда Российской Федерации.

В ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации прямо не указано на защиту интересов правосудия или уголовного судопроизводства как основание для ограничения прав и свобод человека и гражданина. В указанном положении Конституции Российской Федерации в общем виде указано на объекты преступлений (основы конституционного строя и безопасности государства как видовой объект преступлений, предусмотренных главой 29 УК Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина как основные или дополнительные непосредственные объекты большинства преступлений и т.д.). Поскольку уголовное судопроизводство представляет собой производство по делам о преступлениях, то указание в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации на объекты преступлений имеет, таким образом, отношение и к уголовному судопроизводству (уголовному процессу). Материальным основанием ограничения прав человека в уголовном процессе является защита объектов уголовно-правовой охраны уголовно-процессуальными средствами.

Далее в диссертации рассмотрены допустимость и пределы ограничения права на неприкосновенность жилища и тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Общее правило производства осмотра жилища заключается в том, что он может быть произведен только с согласия проживающих в нем лиц, что и происходит в подавляющем большинстве случаев, когда осмотр жилища

производится спустя короткий промежуток времени после совершения преступления. Так, 98,2% опрошенных нами следователей органов внутренних дел и 100% дознавателей в процессе своей деятельности ни разу не сталкивались со случаями отказа проживающих в жилище в осмотре в подобных случаях. Несколько иначе, но не на много радикальнее, дело обстоит, когда осмотр жилища производится в целях в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела спустя более или менее продолжительный период времени после совершения преступления. Со случаями несогласия проживающих в жилище лиц на производство в нем осмотра, обыска или выемки сталкивались в таких ситуациях 6,2% опрошенных нами следователей и 4,3% дознавателей.

Судебное решение на осмотр жилища не всегда гарантирует беспрепятственное проникновение следователя, дознавателя, сотрудника органа дознания по поручению последних в жилище, поскольку и в этом случае проживающие в жилище лица могут отказать в производстве осмотра. презумпция согласия проживающих в жилище лиц должна действовать и в данном случае. Выход из данной ситуации видится в том, что в судебном решении на осмотр жилища должно быть специально указано на возможность применения мер принуждения в таких случаях.

КоАП Российской Федерации предусмотрена ответственность за неисполнение ряда судебных решений, но судебное решение об осмотре жилища в их число не входит. В этих случаях к виновным может быть применена ст. 19.3 КоАП Российской Федерации. Однако, эта статья не предусматривает случаев неповиновения следователю органов внутренних дел, который сотрудником полиции не является, а также следователю Следственного комитета Российской Федерации. Налицо, явный пробел в законодательстве, который должен быть устранен путем внесения соответствующего дополнения в ст. 19.3 КоАП Российской Федерации.

Требование о наличии случаев, не терпящих отлагательства, для осмотра места происшествия в жилище является чрезмерным, поскольку согласно ч. 2 ст. 176 УПК Российской Федерации осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела в любом случае без указания на какие-либо иные условия. По нашему мнению, следует внести изменения в ст. 176 УПК Российской Федерации, а именно *части 1 и 2 данной статьи после слов «осмотр места происшествия» дополнить словами «, в том числе в жилище»,*.

Пределы допустимого производства осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц обусловлены в первую очередь предусмотренными в ч. 1 ст. 176 УПК Российской Федерации, целями производства данного следственного действия – целями обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Пределы допустимого производства осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц будут превышены, если под видом осмотра фактически осуществляется обыск. В таком случае должно быть получено отдельное судебное решение на производство обыска. Если же осмотр жилища в случаях, не терпящих

отлагательства, перерос в обыск, то такая ситуация, на наш взгляд, не будет являться превышением пределов допустимости осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц. В таких случаях следователь, дознаватель должен уведомить прокурора именно о производстве обыска. Пределы допустимого осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц будут явно нарушены при совершении производящими осмотр лицами противоправными действиями: применением насилия в отношении проживающих в жилище лиц, действиями, унижающими их честь и достоинство, уничтожением или повреждением их имущества и т.п.

Производство осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц или судебного решения в случаях предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК Российской Федерации, представляет собой сложность в связи с неопределенностью понятия «исключительность случаев, не терпящих отлагательства». Сотрудники органов предварительного расследования в таких ситуациях опасаются брать инициативу в свои руки, возлагать на себя ответственность в таких случаях. 89,2% следователей и 97,4% дознавателей ни разу в своей деятельности не применяли положения ч. 5 ст. 165 УПК Российской Федерации. На вопрос о том могут ли они самостоятельно определить круг случаев, не терпящих отлагательства, отрицательно ответили более половины опрошенных следователей (54,3%) и дознавателей (71,1%). Среди сформулированных случаев, не терпящих отлагательства, чаще была названа опасность потери следов преступления (96,6% следователей и примерно столько же – 96,1% - дознавателей).

Принудительный характер обыска, в том числе в жилище, заключается в следующих положениях УПК Российской Федерации:

- при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества (ч. 6 ст. 182);
- следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска (ч. 8 ст. 182);
- при производстве обыска во всяком случае изымаются предметы и документы, изъятые из оборота (ч. 9 ст. 182);
- в отношении лица, находящегося в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывающего при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела, может быть произведен личный обыск. В этих случаях личный обыск может быть произведен без соответствующего постановления (ч. 2 ст. 184).

Пределы допустимого производства обыска в жилище, в отличие от пределов допустимого осмотра в жилище, законодательного закреплены в ст. 182 УПК Российской Федерации.

В отличие от обыска выемка может быть произведена принудительно, как это вытекает из ч. 5 ст. 183 УПК Российской Федерации, только в том случае отказа лица выдать предметы и документы, подлежащие изъятию при

предварительном предложении следователя выдать указанные предметы и документы. Принудительное производство выемки без соблюдения правила, установленного ч. 5 ст. 183 УПК Российской Федерации, представляет собой превышение пределов допустимого ограничения права на неприкосновенность жилища.

Превышением пределов допустимости контроля и записи переговоров будет в частности являться несоблюдение правил, установленных ч. 7 ст. 186 УК Российской Федерации, о том, что о результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием специалиста (при необходимости), а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны, составляет протокол, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу. Лица, участвующие в осмотре и прослушивании фонограммы, вправе в том же протоколе или отдельно изложить свои замечания к протоколу.

В *параграфе 2.2* рассмотрены допустимость и пределы ограничения права на физическую неприкосновенность личности в ходе расследования уголовного дела.

Автор пришел к выводу о том, что при задержании подозреваемого допустимость ограничения прав человека выражена в обеих частях ст. 91 УПК Российской Федерации, являющейся основной статьей, устанавливающей общее правило, а превышение пределов допустимости выражается в несоблюдение правил, установленных в остальных статьях главы 12 УПК Российской Федерации «Задержание подозреваемого».

В диссертации обращено внимание на сроки лишения свободы за преступления в совершении которых подозревается лицо в качестве основания его задержания. В этой связи автором поддерживается идея о введении в российское законодательство понятия уголовного проступка (В.В. Гордиенко, Э.П. Григонис, П.В. Коробов, Д.Ю. Корсун, Е.В. Рогова и др.) При введении института уголовного проступка в уголовно-процессуальном законодательстве можно будет установить в качестве непреложного правила, что за его совершение ни задержание, ни заключение под стражу применено быть не может.

По мнению автора, в число оснований задержания подозреваемого целесообразно официально включить данные оперативно-розыскной деятельности и в связи с этим ч. 2 ст. 91 УПК Российской Федерации после слов «иных данных» дополнить словами «, в том числе данных оперативно-розыскной деятельности». С официальным включением в число оснований задержания данных оперативно-розыскной деятельности согласны 77% опрошенных автором следователей и 87,4% дознавателей органов внутренних дел.

Превышение пределов допустимости задержания подозреваемого в ходе расследования уголовного дела находит свое выражение в последующих после ст. 91 статьях УПК Российской Федерации. Таким превышением будет являться, во-первых, несоблюдение правил, установленных ст. 92 УПК Российской Федерации «Порядок задержания подозреваемого». Значительным

превышением пределов допустимости задержания подозреваемого в ходе расследования уголовного дела является продолжение задержания при наличии оснований освобождения подозреваемого, предусмотренных ст. 94 УПК Российской Федерации. Превышением пределов допустимости задержания подозреваемого будет являться также несоблюдение правил, установленных ст. 96 УПК Российской Федерации «Уведомление о задержании подозреваемого».

Исходя из сущности самого конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, момент фактического задержания должен исчисляться с момента физического захвата лица, в том числе обычными гражданами с целью доставления его в соответствующий государственный орган и завершившегося именно таким доставлением. Задерживаемому лицу, особенно, если он невиновен, в принципе, безразлично кто именно его захватил, в любом случае он уже с этого момента фактически лишен свободы. Иное дело, если лицо, совершившее преступление, было физически захвачено с иной целью (например, в целях расправы за совершенное, самосуда), либо цель доставления в государственный орган у задерживающего первоначально присутствовала, но затем была заменена иной целью и доставление в государственный орган не было осуществлено, либо процесс доставления был начат, но не завершен. В таких случаях задерживающее лицо должно нести уголовную ответственность за незаконное лишение свободы, предусмотренное ст. 126 УК Российской Федерации.

В настоящее время формулировки пунктов 11 и 15 ст. 5 УПК Российской Федерации не дают оснований считать моментом фактического задержания лица момент физического его захвата. В этой связи нами предложен ряд изменений в УПК Российской Федерации (см. 8-е положение, выносимое на защиту).

Допустимость заключения под стражу как меры пресечения в УПК Российской Федерации выражена в ч. 1 ст. 108, которую следует рассматривать в совокупности со ст. 97, устанавливающей общие основания для избрания меры пресечения.

Основания избрания меры пресечения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве закреплены достаточно удачно, существует соответствующее разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дело остается лишь за неукоснительным соблюдением установленных правил органами предварительного расследования и судами.

Общие правила допустимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу установлены в ч. 1 ст. 108 УПК Российской Федерации. Эти правила заключаются в том, что:

- заключение под стражу применяется только по судебному решению;
- заключение под стражу применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет;

- заключение под стражу применяется при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения;

- в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из обстоятельств, указанных в пунктах 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК Российской Федерации.

Далее в диссертации обращено внимание на ч. 1.1 ст. 108 УПК Российской Федерации, запрещающей применения заключение под стражу лиц, совершивших ряд преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. С вступлением в действие Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ, которым была введена ч. 1.1 ст. 108 УПК Российской Федерации, в России начался процесс либерализации уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики в отношении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В диссертации произведено сравнение ч. 1.1 ст. 108 УПК Российской Федерации и ст. 76.1 УК Российской Федерации «Освобождение от уголовной ответственности по делам в сфере экономической деятельности» и отмечено несовпадение в них перечня статей УК Российской Федерации. На наш взгляд, статьи УК и УПК, связанные с преступлениями, совершенными в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности должны быть взаимосвязанными между собой, причем приоритет должен отдаваться материальному уголовному праву. В связи с этим текст ныне действующей ч. 1.1 ст. 108 УПК Российской Федерации предлагается начать излагать со следующей фразы: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в статье 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации....». В целях же дальнейшей либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности перечень статей УК Российской Федерации, установленный ст. 76.1 УК Российской Федерации, мог бы периодически дополняться, в том числе и за счет статей УК Российской Федерации, перечисленных в ныне действующей редакции ч. 1 ст. 108 УПК Российской Федерации.

Далее в диссертации отмечено, что в частях 3-7, 7.1, 8-13 ст. 108 УПК Российской Федерации установлен порядок заключения под стражу. Несоблюдение правил, предусмотренных указанными частями ст. 108 УПК Российской Федерации, представляет собой превышение пределов допустимости заключения под стражей. Так, например, таким превышением будет являться принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается, за исключением случаев объявления обвиняемого в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК Российской Федерации) или возложение полномочий, предусмотренных ст. 108 УПК Российской Федерации, на одного и того же судью на постоянной основе (ч. 13 ст. 108 УПК Российской Федерации).

Допустимость заключения под стражу выражается в частях 1, 1.1 и 2 ст. 108 УПК Российской Федерации, а в частях 3-7, 7.1, 8-13 данной статьи предусмотрены пределы превышения допустимости заключения под стражу. Кроме того, пределы превышения допустимости заключения под стражу, относящиеся к порядку заключения под стражу, частично содержатся в ч. 1 ст. 108 УПК Российской Федерации.

В завершении параграфа рассмотрены допустимость и пределы домашнего ареста. Автор пришел к выводу о том, что допустимость домашнего ареста выражена в ч. 1 ст. 107 УПК Российской Федерации. В остальных частях ст. 107 УПК Российской Федерации предусмотрены случаи превышения пределов допустимости домашнего ареста. В обобщенном виде эти случаи можно свести к следующему: несоблюдение правил о сроках домашнего ареста (части 2 и 2.1); несоблюдение порядка избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения (части 3-9); несоблюдение правил применения домашнего ареста (части 10-14).

В *параграфе 2.3* рассмотрены допустимость и пределы ограничения психической неприкосновенности личности в ходе расследования уголовного дела на примерах мер пресечения, за исключением заключения под стражу и домашнего ареста.

Так, избрание в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении возможно лишь при наличии оснований избрания мер пресечения, указанных в ст. 97 УПК Российской Федерации. На протяжении многих десятилетий в стране существует проблема игнорирования этого требования, когда в качестве основания избрания данной меры пресечения указывается наличие постоянного места жительства, семьи, места работы и т.п. Все это свидетельствует об явно недостаточных юридических знаниях, низком уровне профессионального правосознания должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Большинство опрошенных автором следователей (54,35%) и дознавателей (65,4%) полагают, что основаниями избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении являются наличие у подозреваемого или обвиняемого постоянного места жительства, семьи, места работы и другие подобные обстоятельства, что свидетельствует об их явном недостаточных юридических знаниях, низком уровне профессионального правосознания.

Пределы допустимости подписки о невыезде и надлежащем поведении вытекают из некоторых положений ст. 102 УПК Российской Федерации. К ним относятся:

- несоблюдение правила о том, что обвиняемый или подозреваемый лично дает письменное обязательство: не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Это означает, помимо прочего, что такое обязательство должно быть добровольным. Превышением пределов допустимости подписки о невыезде будет устное со-

гласие обвиняемого или подозреваемого или дача им письменного обязательства под психическим или физическим принуждением.

- превышением пределов допустимости подписки о невыезде и надлежащем поведении будет являться наложение на обвиняемого или подозреваемого иных не предусмотренных ст. 102 УПК Российской Федерации обязательств: не покидать место жительства в определенный период времени; периодически регистрироваться в органе внутренних дел; возместить причиненный преступлением ущерб и т.п.

Допустимость личного поручительства выражена в ч. 1 ст. 103 УПК Российской Федерации. Превышение пределов допустимости личного поручительства выражены в частях 2 и 3 ст. 103 УПК Российской Федерации. К превышению пределов допустимости личного поручительства следует относить, в частности, возложение на поручителя обязанностей, не предусмотренных ст. 103 УПК Российской Федерации, например, обязанности уведомлять орган предварительного расследования о совершении подозреваемым или обвиняемым противоправных действий.

Допустимость применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части выражается в ч. 1 ст. 104 УПК Российской Федерации, в соответствии с которой наблюдение командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым, являющимся военнослужащим или гражданином, проходящим военные сборы, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, для того, чтобы обеспечить выполнение этим лицом обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 ст. 102 УПК Российской Федерации. Однако в уставах Вооруженных Сил Российской Федерации никаких мер в отношении лиц, к которым в качестве меры пресечения применено наблюдение командования воинской части, не предусмотрено. Используемое в данной статье понятие «командование воинской части» является собирательным, не позволяет с точностью определить должностное лицо, уполномоченное осуществлять наблюдение за подозреваемым или обвиняемым военнослужащим. Целесообразно в этой связи возложить обязанности надзора за поведением подозреваемого или обвиняемого военнослужащего на военную полицию Вооруженных Сил Российской Федерации, которая в настоящее время осуществляет функции, связанные с фактами совершения военнослужащими преступлений, в том числе часть из них непосредственно относятся к уголовному процессу (например, исполнение в пределах своих полномочий решений суда (судьи), письменных поручений следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу военнослужащих, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, о производстве иных процессуальных действий, оказание содействия в их осуществлении), а саму меру пресечения, предусмотренную ст. 104 УПК Российской Федерации переименовать в надзор военной полиции. В Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в таком случае будет необ-

ходимо включить положения о содержании и порядке исполнения данной меры пресечения.

Ограничение круга обвиняемых (подозреваемых) в отношении которых может применяться рассматриваемая мера пресечения лишь военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, является недопустимым, не соответствующим уголовно-процессуальному законодательству, поскольку лишает военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, права на применение к нему более мягкой меры пресечения по сравнению с домашним арестом или заключением под стражу.

Превышение пределов допустимости наблюдения командования воинской части выражается в ч. 2 ст. 104 УПК Российской Федерации, в соответствии с которой избрание в качестве меры пресечения наблюдения командования воинской части допускается лишь с согласия подозреваемого, обвиняемого. Следовательно, отсутствие такого согласия, является превышением пределов допустимости избрания данной меры пресечения. Согласия командования воинской части при избрании рассматриваемой меры пресечения, не требуется.

Допустимость избрания и применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым выражается в ч. 1 ст. 105 УПК Российской Федерации. Находясь под присмотром, несовершеннолетний должен обладать всем комплексом конституционных прав; лица, осуществляющие присмотр, в свою очередь, не вправе самостоятельно ограничивать несовершеннолетнего в его законных правах.

В плане ограничения неприкосновенности личности пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым является наиболее благоприятной. Несовершеннолетний остается в привычной для него обстановке – дома или в специализированном детском учреждении, в котором он и так находился до избрания меры пресечения. Его поведение контролируют в основном те же лица, которые и так осуществляют обязанности по его воспитанию, за исключением иных заслуживающих доверия лиц.

Иные заслуживающие доверия лица, указанные в ч. 1 ст. 105 УПК Российской Федерации, должны привлекаться к исполнению меры пресечения в виде присмотра на несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в том случае, когда родители и иные законные представители оказывают отрицательное влияние на несовершеннолетнего (злоупотребляют спиртными напитками, являются ранее судимыми и продолжают вести преступный образ жизни и т.п.) и когда несовершеннолетний не содержится в специализированном детском учреждении.

Несмотря на позитивный потенциал меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, применяется данная мера пресечения чрезвычайно редко. Так, все опрошенные автором следователи и дознаватели органов внутренних дел на вопрос о том, избирали ли они меру пресечения в виде присмотра за несовершеннолетними подозреваемым или обвиняемым, ответили отрицательно.

Между тем, неизбрание меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, когда для этого имеются все возможности является прямым нарушением закона, поскольку в ч. 2 ст. 423 УПК Российской Федерации установлено, что при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК Российской Федерации. В связи с этим целесообразно установить, что в постановлении об избрании в отношении несовершеннолетнего иной меры пресечения (подписки о невыезде, заключения под стражу) обязательно должны быть указаны причины, по которым не была избрана мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Допустимость залога выражается в ч. 1 ст. 106 УПК Российской Федерации, В частях 2-8 и 10 ст. 106 УПК Российской Федерации предусматривают правила, несоблюдение которых влечет за собой превышение пределов допустимости залога.

В заключении подведены итоги проведенного исследования

В приложении 1 приведены вопросы и варианты ответов анонимного опроса следователей и дознавателей органов внутренних дел. В приложении 2 представлен текст кассационного определения Московского городского суда от 22 октября 2012 г. по делу № 22-14128/1, в приложении 3 – текст кассационного определения Московского городского суда от 31 октября 2012 г. по делу № 22-14798.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертационного исследования

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Хазиев Р.М. Гарантии неприкосновенности частной жизни и личности» // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2013 № 4. С.72-74. 0,1 п.л.
2. Хазиев Р.М. Частная жизнь и ее неприкосновенность как многоаспектный феномен» // Евразийский юридический журнал 2013. № 6. С. 91-93. 0,1 п.л.
3. Хазиев Р.М. Актуальные вопросы незаконного ограничения неприкосновенности частной жизни и личности в ходе расследования уголовного дела и пути их совершенствования» // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2014. № 5. С.105-107. 0,2 п.л.
4. Хазиев Р.М. Частная жизнь: понятие и его отражение в уголовно-процессуальном и ином законодательстве Российской Федерации // Мир юридической науки. 2015. № 4. С. 59-62. 0,3 п.л.
5. Хазиев Р.М. Право на неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2015. № 8. С. 78-86. 1,01 п.л.
6. Хазиев Р.М. Право на неприкосновенность личности в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 3. С. 78-90. 1,47 п.л.
7. Хазиев Р.М. Право на психическую и нравственную неприкосновенность в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 6. С. 71-80. 1,47 п.л.